

«Движущая сила человечества — дух творческой неудовлетворенности»

Айзек Азимов
Вот. Москва. — 1985 — 2000-1-2

Нервое знакомство с героиней моего рассказа состоялось в те далекие времена, когда ходили по московским улицам в валенках, ездили на извозчиках, в людных местах торговали мочеными яблоками, мороженым в вафлях и ирисками, по расчудесным бульварам Садового кольца водили дрессированных медведей, выкидывавших на радость зевакам смешные «кренделя», когда по дворам домов ходили скупщики старых вещей и пронзительно, все на один манер, кричали: «Старье берем, старье берем»... Познакомились мы в одном из учреждений на маленькой, ласковой, очень симпатичной старинной площади, зажатой со всех сторон, почти по кругу, разностильными небольшими особняками. Называлась она — «Собачья площадка».

Ее уже давно нет — расковыряли, снесли, застроили, — и сейчас невозможно без старых карт точно определить место ее былого расположения. Но она все-таки существует — в памяти старожилов и в их рассказах. Судя по тому, что гулял я с героиней по площадке, непременно держа ее за ручку, она мне очень нравилась, и совсем неважно, что ей было тогда уже три года, а мне — ого-го-го-го — все пять с гаком... Общались мы ежедневно (кроме воскресных дней, которые надо было посвящать домашним делам), но кабинеты у нас были разные: ее называлась — «Младшая группа», а мой — «Старшая группа», а само государственное учреждение называлось «Детский сад № (кажется) 6»...

Шли годы, и когда героине стукнуло аж 5 лет а мне — хе-хе-хе-хе — страшно вспомнить — все 7, мы «сговорились» и... вывезли своих пап и мам в Германию, где, как выяснилось позже, оба папы, тайком от нас, устроились на работу в качестве представителей СССР, но от разных ведомств... О, это было прелестное время! Наш роман развивался довольно бурно: я назначал своей подруге частые свидания в доме нашего торгпредства в Берлине... Особенно содержательной и трогательной была встреча в день годовщины Великого Октября в 1930 году... Снова держал ее за ручку и тогда, когда танцевали под рояль, и тогда, когда вместе с другими парами нашего уже солидного возраста разучивали и русские, и немецкие песенки... Самую глубокомысленную и лиричную помним до сей поры, и совсем недавно, выступая на телевидении, спели ее на немецком языке...

В переводе на русский ее главный куплет звучит так:

«Ах, мой Бог, как хорошо, что вовремя пришел приятный мужчина — доктор Слюнкин

и чудесным образом склеил раненое колесо своей волшебной СЛЮНКОЙ!»

(Для любопытных: фамилия доктора на немецком языке — Шлукеманн)

Эту смешную фамилию постепенно из наших голов вытеснила дьявольская — Шикльгруббер (Гитлер), а затем она вытеснила и нас самих из Германии, вместе с папами и мамами. Судьба, к сожалению, раскидала нас в разные стороны, и ручку героини держали уже другие мальчики... Я так и не успел объясниться ей в...глубочайшем уважении и почтении, и даже в...вообще не успел... Вот что наделал проклятый Шикльгруббер! М-даа, это тебе не доктор Шлукеманн! Но вот, что удивительно: оба мы стали артистами. И хотя долгое время не встречались, все же оригинальнейшую компенсацию за несостоявшееся объяснение в любви судьба мне послала: сводила нас в качестве партнеров, а действующие лица, роли которых мы исполняли, не то что объяснялись в любви, а даже любили друг друга.

Например, в фильме Юлия Яковлевича Райзмана «Урок жизни» моя подружка играла роль студентки, за которой я — тоже по роли студент — ухаживал, танцевал с ней

на вечеринке в общежитии, держал за ручку, ну точь-в-точь, как во времена доктора «Слюнкина»!.. Я в очередной раз готовился к объяснению в ... (не по роли), но стеснялся, не решался, а съемки завершились и... Одним словом, опять не состоялось объяснение.

Вскоре мой сценический герой — Остап Бендер — в спектакле Театра Сатиры «12 стульев» объяснялся в любви мадам

рил нам роли когда-то влюбленных друг в друга — Параськи и Сусяки... Подруга моя дорогая в новой роли проявила такую внутреннюю энергию, такую физическую силу и напор, что объясняться в любви мне показалось занятием тщетным. Какое там, к дьяволу, объяснение, когда она меня чуть не пронзила насмерть железякой на конце багра, пытаясь стащить с крыши сельской хаты... Сцену стаскивания с крыши снимали много раз, так как мешали то собака, пытавшаяся укусить мою подругу, может быть, защищая меня, сидевшего на крыше и подвергавшегося нападению незнакомой женщины с багром; то вошедший в кадр крупно подвыпивший грозный мужчина,

требовавший бумагу, разрешающую съемки дома, или плату за, как он сказал, «амортизацию объекта»... Оказалось он бывшим полицейским (съемки производились в селе Пилпеец на территории бывшей Западной Украины), работавшим теперь сторожем церкви и по совместительству, через день, пастухом частных коров и овец. Но основной его работой оказалось употребление «горылки» в таком чудовищном количестве, которое «возвращало» его на прежнюю престижную службу сельского блюстителя порядка. И вот в этой, казалось бы, безнадежной для нас ситуации проявилось еще одно уникальное качество таланта моей маленькой подружки — умение контактировать с любым человеком, обаять его и ненавязчиво, элегантно (а если нужно, и незлегантно) добиться от него чего угодно, в зависимости от обстоятельств... Это свойство, по-моему, гипнотического характера, и опять же подтверждающее наличие выдающегося таланта! Она заговорила с нарушителем нашего покоя, взяла его под ручку (не «за ручку», как я ее держал, а «под»), отвела его в сторону. Тот внимательно слушал, затем его лицо расплылось в совсем «неполицейской» улыбке, обняв единственную во рту зуб, но покоившийся в золотой коронке, закивал часто-часто — согласительной головой и даже по-дружески обнял собеседницу. Она кокетливо пальчиком постучала по его синеватому носу, позвала директора кинокартины. Тот выдал «полицеймейстеру» сумму, которая, как потом выяснилось, соответствовала цене двух сосудов «горылки» и полностью гарантировала «вырубание» настырного блюстителя.

Потом снималась сцена, когда Сусяк, спасаясь от преследовавшей его Параськи, прыгает в костюмерной комнате с мостков в реку, надеясь на то, что место неглубокое, и с головой уходит под воду. Вовремя подоспевшая Параська багром (опять этим чертовым багром!) нащупывает «свою любовь» на дне и вытаскивает на свет божий. В момент счастливого спасения лицо Параськи снова показалось мне достойным объяснения в ... но, как бы это сказать, э...настроение и внешний мой мокрый вид не соответствовали классическому облику объясняющегося в ... В общем, не решился...Объект тайных воздыханий вечером улетел, и признание не состоялось...

Между тем время неумолимо делало свое дело: пролистывало дни, месяцы, годы...

Ни совместная работа над ролью Матери, как всегда блистательно сыгранной подругой в спектакле по пьесе Говарда Лоусена «Чудеса в гостиной» в моей постановке, ни более или менее частые встречи на радио, телевидении, в концертах, на театральных премьерах, в которых «девочка из садика» на Собачьей площадке неизменно из роли в роль продолжает радовать все новыми и новыми гранями своего удивительно заразительного таланта, ни телефонные переговоры — ничего не располагало к объяснению... и вот юбилей девочки! Тик-так, тик-так, тик-так, и... 70. Еще только — 70. Вот и настал тот миг — самый уместный, самый своевременный, самый серьезный для объяснения в искреннем уважении и любви, что я с большим волнением и делая, написав этот маленький рассказ! Да хранит тебя Бог, дорогая Ольга Александровна Аросева! Поздравляю!

ОБЪЯСНЕНИЕ

В ЛЮБВИ

Грицауевой, роль которой исполняла моя подруга, и уже тогда — в пятидесятых годах — я понял, что девочку из детского садика на Собачьей площадке ждет счастливая артистическая судьба. В интерпретации роли «мадам» она заняла позицию адвоката, а не прокурора, что позволило создать образ освобожденный от шаржа, примитивного оглушения, наделенный естественными человеческими чувствами. Объяснялся в любви этому существу мой герой, но опять не я...

Вскоре за меня это делал и роллановский Кола Брюньон в сценах с Ласочкой, роль которой блистательно, но несколько неожиданно для зрителей и непривычно для себя, исполнила дорогая подружка в телефильме «Кола Брюньон» (постановка А. А. Гончарова)... Блистательно — потому что была в сложной роли, требовавшей мгновенных «переключений» из покоя в гнев, из грусти в ласку, из самоуверенности в незащищенность, из смеха в слезы, и наоборот. А «неожиданно для зрителей и непривычно для себя» — потому что уже тогда, то есть тридцать лет тому назад, сделала убедительную заявку на роли «возрастные», что в большинстве случаев не удается актрисам молодым и даже среднего возраста!..

Затем кинофильм «Трембита» (режиссер Олег Павлович Николаевский) снова пода-